

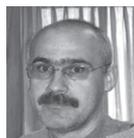
ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ КОММУНИКАТИВИСТИКИ

К осмыслению коммуникации «как таковой»

Toward Conceptualizing Communication «As Such»

DOI: 10.12737/2587-9103-2022-11-4-10-13

Получено: 04 мая 2022 г. / Одобрено: 11 мая 2022 г. / Опубликовано: 25 августа 2022 г.

**И.Э. Клюканов**

Д-р филол. наук, профессор,
Восточно-Вашингтонский университет,
США, г. Чини,
e-mail: igorklykanov@yahoo.com

I.E. Klykanov

Doctor of Philology, Professor
Eastern Washington University
350 Patterson Hall, Cheney,
Washington 99004-2429, USA
e-mail: igorklykanov@yahoo.com

Аннотация

В статье обсуждается вопрос, в чем заключается своеобразие «науки о коммуникации» и ее отличие от других областей научного знания. Рассматриваются две такие попытки: статья Ли Тэйера под названием «Построение теории в коммуникации: некоторые концептуальные проблемы», опубликованная в 1963 г., и книга Сильвио Вайсборда под названием «Коммуникация: пост-дисциплина», которая вышла через полвека после статьи Ли Тэйера. Утверждается, что осмыслить природу науки о коммуникации можно, лишь обратившись к онтологическим основам коммуникации. В этом плане осмыслить природу науки о коммуникации — это значит определить ее как научный объект, отличный от объектов других наук. Отмечается, что структура «объект-горизонт» создает перспективу, благодаря которой объекты являются нашему сознанию. С этих позиций коммуникацию трудно определить «как таковую», обозначив ее предел, поскольку ее горизонт — это тоже коммуникация. Соответственно, коммуникация — это объект, существующий как нечто целостное в своих различных проявлениях. На осмысление этого, как представляется, может быть нацелена наука о коммуникации «как таковой».

Ключевые слова: коммуникация, наука о коммуникации, онтология, сознание, восприятие, манифестация.

В статье под названием «Коммуникация как социальная наука (и не только)» Крейг Кэлхун пишет о том, как он попытался выяснить, что такое «наука о коммуникации», обратившись к Википедии. Вот что он обнаружил:

«Позвольте мне подвести итоги моего электронного исследования.

«Наука о коммуникации» — это академическая дисциплина, которая:

- 1) охватывает все;
- 2) уделяет особое внимание различиям между словами и не-словами, людьми и не-людьми;
- 3) выпускает учебники, электронные издания и журналы;
- 4) не в состоянии создать содержательную статью о себе в Википедии» [6, с. 1479; перевод мой. — И.К.].

В этом шутовском описании затрагивается самый что ни на есть серьезный вопрос: что представляет собой «наука о коммуникации», т.е. в чем заключается ее своеобразие и отличие от других областей научного знания. Дать ответ на этот вопрос пытались

Abstract

The article discusses the question of what constitutes the sui generis of the 'science of communication' and how it is different from other areas of scientific knowledge. Two such attempts are considered: Lee Thayer's article entitled 'On Theory-Building in Communication: Some Conceptual Problems', published in 1963, and Silvio Weisbord's book entitled 'Communication: A Post-Discipline', which came out after half a century after Lee Thayer's article. It is argued that it is possible to conceptualize the nature of the science of communication only by referring to the ontological foundations of communication. In this regard, to conceptualize the nature of the science of communication means to define it as a scientific object that is different from the objects of all other sciences. It is noted that the 'object-horizon' structure creates a perspective, thanks to which objects appear to our consciousness. From these positions, it is difficult to define communication 'as such', identifying its limit, since its horizon is also communication. Accordingly, communication is an object that exists as something whole in its various manifestations. It seems that the science of communication 'as such' can be aimed at conceptualizing this.

Keywords: communication, science of communication, ontology, consciousness, perception, manifestation.

и пытаются многие ученые: рассмотрим кратко две такие попытки.

Первая попытка — это статья Ли Тэйера под названием «Построение теории в коммуникации: некоторые концептуальные проблемы», опубликованная в 1963 г. [10].

Ли Тэйер начинает с того, что отмечает «бесконечное разнообразие тем, которые затрагиваются в рамках рубрики “Коммуникация”» — от «следов на бумаге» до «того, что происходит в “черном ящике” компьютера», до «того, что делает самка куропатки во время брачного сезона... и так далее» [10, с. 219; перевод мой. — И.К.]. Не удивительно, что в качестве первой и основной проблемы Ли Тэйер видит «предположение, что коммуникация является чем-то sui generis»: именно «попытки трактовать коммуникацию как вещь (процесс) sui generis стоят на пути развития содержательной теории коммуникации» [10, с. 219; перевод мой. — И.К.]. С его точки зрения, из этой основной проблемы вытекают все остальные, например, проблема уровней анализа и проблема единиц анализа.

Так, проблемой является «своего рода нежелание концептуально различать используемые уровни анализа» [10, с. 219; перевод мой. — *И.К.*]. Ли Тэйер говорит о четырех уровнях: физиологическом, психологическом, социологическом и технологическом. При этом он считает, что понятие «коммуникация» на каждом уровне заслуживает отдельного осмысления, а «теории коммуникации как таковой может и не быть» [10, с. 219; перевод мой. — *И.К.*]. Схожая проблема заключается в том, что следует принять за единицу анализа: например, «клетку или клеточное событие, человека или человеко-событие, группу или групповую структуру, артефакт как часть некой институции, некую технологию, например, слушание; коммуникационную сеть» и т.д. [10, с. 224–225; перевод мой. — *И.К.*].

Вторая попытка осмысления сущности «науки о коммуникации» — это книга Сильвио Вайсборда под названием «Коммуникация: пост-дисциплина», которая вышла недавно, т.е. через полвека после статьи Ли Тэйера [11]. Вайсборд отмечает интеллектуальное разнообразие коммуникативных исследований и также поднимает вопрос, в чем заключается их своеобразие. Он считает, что «исследователи коммуникации вряд ли проводят бессонные ночи, размышляя об онтологических вопросах науки о коммуникации»; более того, «эти вопросы мы не можем решить» [11, с. 41, 122; перевод мой. — *И.К.*]. С его точки зрения, целостность коммуникативным исследованиям придает «институциональная архитектура профессиональных организаций и академических подразделений» [11, с. 123–124; перевод мой. — *И.К.*]. Что касается обозначения коммуникативных исследований как некой целостности, то Вайсборд пишет следующее: «Изучение коммуникации является многогранным, динамичным и сумбурным. Эти условия делают ее постдисциплиной» [11, с. 9; перевод мой. — *И.К.*]. В качестве примера других постдисциплин он приводит криминологию, исследования окружающей среды и т.д. Остается неясным, в чем заключается своеобразие именно коммуникативных исследований как постдисциплины.

Сравнивая статью Тэйера и книгу Вайсборда, мы видим, что первый попытался подойти к осмыслению коммуникативных исследований концептуально, обозначив ряд проблем, без решения которых трудно говорить о них как о научной области *сui generis*, в то время как второй подходит к этому прагматически: для Вайсборда все, что находит место в коммуникативных ассоциациях, журналах, отделениях и школах, — это коммуникативные исследования в рамках постдисциплины.

Наверное, не обязательно проводить бессонные ночи, размышляя об онтологических вопросах ком-

муникации, но пытаться осмыслить ее своеобразие является критически важным. При этом осмыслить природу коммуникации — это значит определить ее как научный объект, отличный от объектов других наук. Определить — значит установить некий предел, за которым начинается нечто иное. Именно так становится возможным воспринимать объект в его целостном своеобразии и постоянстве, т.е. самоидентичности.

То, как сознание идентифицирует объект, детально рассматривает Морис Мерло-Понти в книге «Феноменологии восприятия» [4]. Он отмечает, что константность объектов основана на исходном осознании мира как горизонта любого нашего опыта. Именно структура «объект-горизонт» создает перспективу, благодаря которой объекты и являются нашему сознанию. Мы воспринимаем нечто как объект, лишь если окружающие объекты образуют его горизонт. В качестве одного из примеров Мерло-Понти приводит то, как воспринимается лампа. Он пишет: «Глядя на стоящую на столе лампу, я приписываю ей не только качества, видимые с моего места, но и те, что могут “увидеть” камин, стены, стол. Так, задняя сторона лампы есть не что иное, как лицо, которое она “показывает” камину. Значит, я могу видеть тот или иной объект, поскольку объекты образуют особую систему, или мир, и поскольку каждый из них располагает остальных вокруг себя как своего рода зрителей его скрытых ракурсов и поручителей их постоянного присутствия. Всякий акт видения мной какого-нибудь объекта мгновенно подхватывается всеми объектами мира, которые вовлечены в это видение как в нем сосуществующие, так как каждый из них есть все то, что другие “видят” в нем» [4, с. 102]. Важно подчеркнуть, что наш опыт не ограничивается восприятием объектов в пространстве, поскольку сознание основано на последовательном и непрерывном переходе от одного мгновения восприятия к другому и на их соединении в нечто целостное и отдельное. Поэтому «то, что мы только что сказали о пространственной перспективе, можно было бы в равной степени сказать и о временной» [4, с. 121]. Таким образом, мы познаем мир по мере того, как объекты являют себя, при этом всякий объект является зеркалом всех остальных.

Обратимся теперь к коммуникации как объекту с тех же позиций, как воспринимается стоящая на столе лампа. Поскольку любой объект можно идентифицировать, лишь если окружающие объекты образуют его горизонт, то трудно сказать, что не является коммуникацией. Как уже говорилось, Ли Тэйер, отмечает ее «бесконечное разнообразие» — от «следов на бумаге» до «того, что происходит в “черном ящике” компьютера», до «того, что делает сам-

ка куропатки во время брачного сезона... и так далее» [10, с. 219; перевод мой. — *И.К.*]. Подобные взгляды на коммуникацию высказывают многие ученые. Так, Антони Уилден, пишет, что «коммуникация — это связи внутри организма, связи в биологических системах, между животными, между животными и людьми, социо-экономические связи и т.д.» [12, с. 111; перевод мой. — *И.К.*]. Доналд Фаваро относит к коммуникации «межклеточные сигнальные процессы, демонстрационное поведение животных, созданные человеком семиотические артефакты, такие как язык, и связанное с ним абстрактное символическое мышление» [8, с. 10; перевод мой. — *И.К.*]. Йордан Златев выделяет несколько уровней семиотической иерархии: 1) умвелт — фрагмент мира, который активно осваивает и преобразует в соответствии со своими органами чувств и своими нуждами любой живой организм и который имеет биологическую значимость; 2) естественный лебенсвелт — мир, который представляет собой самоочевидный универсум повседневной жизни и который имеет феноменальную значимость; 3) культурный лебенсвелт — мир дискурса, который предполагает символы и правила поведения и который имеет нормативную значимость [13]. И, наконец, Юрий Лотман отождествляет коммуникацию с семиосферой, которая «неуклонно расширяясь в космос на протяжении веков... включает в себя позывные спутников, стихи поэтов и крик животных» [2, с. 19]. При этом Лотман подчеркивает, что «взаимозависимость этих элементов семиосферы не метафорична, а реальность» [2, с. 19].

Как мы видим, трудно определить коммуникацию «как таковую», обозначив ее предел, поскольку ее горизонт — это тоже коммуникация. Или, как в известной шутке, «черепашка до самого низу». Впрочем, нельзя говорить и о «самом низе» (а также о «самом верхе»), поскольку никто не знает, что и где это. В нашем стремлении к завершенной и ясной целостности всегда есть нечто, что превосходит рамки перцептивного опыта и синтеза горизонтов. Поэтому мы можем спросить вместе с Лотманом: «Не является ли весь универсум сообщением, входящим в еще более общую семиосферу? Не подлжет ли вселенная прочтению?» [2, с. 20]. И — можно добавить — не только прочтению, но и слушанию, послушанию.

Таким образом, коммуникация — это объект, который является не просто зеркалом всех остальных, а существует как нечто целостное в своих различных проявлениях и не в отдельности от всех остальных, включая нас самих. Можно сказать, что коммуникация — это сущность самого бытия. Или, как это выразил Михаил Бахтин, «быть значит общаться» [1,

с. 338]. Можно сказать, что коммуникация — это наше всё.

Как мы помним, объекты образуют особую систему, в которой один объект не может явить себя, не скрыв тем самым другого; таким образом, мы имеем дело с тем или иным проявлением коммуникации, тогда как остальные как бы забываются. Например, мы говорим о «человеческой коммуникации», «коммуникации животных», «коммуникации человека с животными» и т.д. Поэтому в реальности исследование коммуникации осуществляется в том или ином направлении; при этом можно считать, что этим занимается та или иная наука. Как пишет Вольфганг Донсбах, «исследования психологических деформаций личности, возникающих вследствие изображения насилия в средствах массовой информации, остаются психологическими исследованиями, а исследования о причинах концентрации медиа — экономическими исследованиями» [7, с. 439; перевод мой. — *И.К.*].

Это только в художественных произведениях можно действовать так, как один из героев Стивена Ликока — лорд Рональд, который «бросился на коня и безумно поскакал во все стороны» («Гертруда-гувернантка», 1911 г.).

Тем не менее мы можем говорить о коммуникации «как таковой», если подразумевать под этим осмысление всего, что существует, создается, делается и думается. Охватить коммуникацию «как таковую» теоретически можно, будучи, по выражению Мерло Понти, «одержимым... бытием и забывая о перспективном характере опыта» [4, с. 81]. Такая одержимость направлена на то, чтобы «вспомнить всё», найти некое положение без перспективы, т.е. некую точку, где все линии сходятся и из которой расходятся. Представляется, что о подобной точке писал Мераб Мамардашвили, задавая вопрос, «не вторгается ли факт существования живых форм и их возможности в мире именно в эту точку, где обнаруживаются такие свойства энергетических и физических взаимодействий в мире? Не в этой ли точке мы должны вообще искать включение и жизни, и сознания в физическую картину мира? То есть такую картину, которая прекратила бы скандал допущения двух разнородных вещей, совершенно не гомогенных, а именно — существование физики, с одной стороны, а с другой — жизни и сознания, которые мы никак не можем соединить в одном исследовании» [3, с. 232]. На поиск такой точки направлена философия, которая занимается самыми общими вопросами бытия; не случайно говорят, что любая проблема в конечном счете является философской проблемой. Между тем следует помнить, по словам Дэвида Юма, «что все науки имеют, большее или меньшее отношение к человеческой природе и что как бы далеко,

казалось бы, ни убегали они от нее, они возвращаются к ней так или иначе» [5, с. 49]. В этом свете можно сказать, что любая проблема в бесконечном счете является коммуникативной проблемой. Как пишет Джон Питерс, «коммуникация» — это «понятие, способное объединить естественные науки (ДНК как код), свободные искусства (язык как средство коммуникации) и социальные науки (коммуникация как социальный процесс)» [9, с. 25; перевод мой. — И.К.]. На это, как представляется, может быть нацелена наука о коммуникации как таковой, наука о коммуникации «как таковая».

В заключение я хочу отметить, что в статье формулируются проблемы и поднимаются вопросы. Тем

не менее мне кажется, что от того, как мы будем осмысливать эти проблемы и вопросы, зависят наши действия прагматического характера, включая создание профессиональных ассоциаций, проведение конференций, публикацию журналов, формирование факультетов и программ обучения и т.д. И еще мне кажется, что Оскар Яковлевич Гойхман одобрил бы такой широкий подход к коммуникации: я сужу об этом на основании его многочисленных публикаций, наших с ним встреч и нашей переписки. Поэтому важно, чтобы в наших обсуждениях всех этих проблем и вопросов звучал и его голос — негромкий, рассудительный, серьезный, с юмором, всегда открытый к общению, живой.

Литература

1. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского [Текст] / М.М. Бахтин. — М.: Советский писатель, 1963. — 363 с.
2. Лотман Ю.М. О семиосфере [Текст] / Ю.М. Лотман // Избранные статьи в трех томах. — Таллин: Александра, 1992. — Т. 1: Статьи по семиотике и топологии культуры. — С. 11–24.
3. Мамардашвили М. Мой опыт нетипичен. [Текст] / М. Мамардашвили. — СПб.: Азбука, 2000. — 400 с.
4. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия [Текст] / М. Мерло-Понти. — СПб.: Ювента, Наука, 1999. — 605 с.
5. Юм Д. Трактат о человеческой природе [Текст] / Д. Юм. — М.: Канон. — Кн. 1. — 399 с.
6. Calhoun C. Communication as social science (and more) // International Journal of Communication. 2011. No. 5, pp. 1479–1496.
7. Donsbach W. The identity of communication research // Journal of Communication. 2006. No. 56, pp. 437–448.
8. Favareau D. The evolutionary history of biosemiotics // Introduction to Biosemiotics: The New Biological Synthesis. 2007, pp. 1–68.
9. Peters J. Space, time, and communication theory // Canadian Journal of Communication. 2003. No. 28, pp. 397–411.
10. Thayer L. On theory-building in communication: Some conceptual problems // Journal of Communication. 1963. No. 13 (4), pp. 217–235.
11. Waisbord S. Communication: A Post-Discipline. Cambridge, UK: Polity Press, 2019. 176 p.
12. Wilden A. System and structure: Essays in communication and exchange. London: Tavistock, 1980. 592 p.
13. Zlatev J. The semiotic hierarchy: Life, consciousness, signs and language // Cognitive Semiotics. 2009. No. 4, pp. 169–200.

References

1. Bakhtin M.M. *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's poetics]. Moscow: Sovetskiy pisatel' Publ., 1963. 363 p.
2. Lotman Yu.M. *O semiosphere* [On semiosphere]. Tallinn: Aleksandra, 1992. Pp. 11–24.
3. Mamardashvili M. *Moi opyt netipichen* [My experience is not typical]. St. Petersburg: Azbuka Publ., 2000. 400 p.
4. Merleau-Ponty M. *Fenomenologiya vospriyatitya* [Phenomenology of perception]. St. Petersburg: Yuventa, Nauka Publ., 1999. 605 p.
5. Yum D. *Traktat o chelovecheskoi prirode* [A treatise of human nature]. Moscow: Canon. 399 p.
6. Calhoun C. Communication as social science (and more) // International Journal of Communication. 2011. No. 5. Pp. 1479–1496.
7. Donsbach W. The identity of communication research // Journal of Communication. 2006. No. 56. Pp. 437–448.
8. Favareau D. The evolutionary history of biosemiotics // Introduction to Biosemiotics: The New Biological Synthesis. 2007. Pp. 1–68.
9. Peters J. Space, time, and communication theory // Canadian Journal of Communication. 2003. No. 28, pp. 397–411.
10. Thayer, L. On theory-building in communication: Some conceptual problems. — L. Thayer // Journal of Communication. 1963. No. 13 (4). Pp. 217–235.
11. Waisbord S. Communication: A Post-Discipline. Cambridge, UK: Polity Press, 2019. 176 p.
12. Wilden A. System and structure: Essays in communication and exchange. London: Tavistock, 1980. 592 p.
13. Zlatev J. The semiotic hierarchy: Life, consciousness, signs and language // Cognitive Semiotics. 2009. No. 4. Pp. 169–200.